

Житейская мелочь — эпизод 2 из 2

Что же вы там делаете?

Ничего! Сначала здороваемся, потом все садимся за столик и папа начинает угощать нас кофеем и пирожками. Соня, знаете, ест пирожки с мясом, а я терпеть не могу с мясом! Я люблю с капустой и с яйцами. Мы так наедаемся, что потом за обедом, чтобы мама не заметила, мы стараемся есть как можно больше.

О чем же вы там говорите?

С папой? Обо всем. Он нас целует, обнимает, рассказывает разные смешные остроты. Знаете, он говорит, что когда мы вырастем, то он возьмет нас к себе жить. Соня не хочет, а я согласен. Конечно, без мамы будет скучно, по я ведь буду ей письма писать! Странное дело, можно будет даже по праздникам к ней с визитом приходить не правда ли? Еще папа говорит, что он мне лошадь купит. Добрейший человек! Я не знаю, зачем это мама не позовет его к себе жить и запрещает нам видаться с ним. Ведь он очень любит маму. Всегда он нас спрашивает, как ее здоровье, что она делает. Когда она была больна, то он схватил себя за голову вот этак и... и всё бегают, бегают. Всё просит нас, чтоб мы слушались ее и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

Гм... Почему же?

Это папа говорит. Вы, говорит, несчастные дети. Даже слушать его странно. Вы, говорит, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говорит, богу и за себя и за нее.

Алеша остановил свой взгляд на чучеле птицы и задумался.

Так-с... промышал Беляев. Так вот вы, значит, как. В кондитерских конгрессы сочиняете. И мама не знает?

Не-ет... Откуда же ей знать? Пелагея ведь ни за что не скажет. А позавчера папа нас грушами угощал. Сладкие, как варенье! Я две съел.

Гм... Ну, а того... послушай, про меня папа ничего не говорит?

Про вас? Как вам сказать?

Алеша пытливо поглядел в лицо Беляева и пожал плечами.

Особенного ничего не говорит.

Примерно, что говорит?

А вы не обидитесь?

Ну, вот еще! Разве он меня бранит?

Он не бранит, но, знаете ли... сердится на вас. Он говорит, что через вас мама несчастна и что вы... погубили маму. Ведь он какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а он только

головой качает.

Так-таки и говорит, что я ее погубил?

Да. Вы не обижайтесь, Николай Ильич!

Беляев поднялся, постоял и заходил по гостиной.

Это и странно и... смешно! забормотал он, пожимая плечами и насмешливо улыбаясь. Сам кругом виноват, и я же погубил, а? Скажите, какой невинный барашек. Так-таки он тебе и говорил, что я погубил твою мать?

Да, но... ведь вы же сказали, что не будете обижаться!

Я не обижаюсь и... и не твое дело! Нет, это... это даже смешно! Я попал, как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым!

Послышался звонок. Мальчик рванулся с места и выбежал вон. Через минуту в гостиную вошла дама с маленькой девочкой это была Ольга Ивановна, мать Алеша. За нею вприпрыжку, громко напевая и болтая руками, следовал Алеша. Беляев кивнул головой и продолжал ходить.

Конечно, кого же теперь обвинять, как не меня? бормотал он, фыркая. Он прав! Он оскорбленный муж!

О чем ты это? спросила Ольга Ивановна.

О чем?.. А вот послушай-ка, какие штуки проповедует твой благоверный! Оказывается, что я подлец и злодей, я погубил и тебя и детей. Все вы несчастные, и один только я ужасно счастлив! Ужасно, ужасно счастлив! Я не понимаю, Николай! Что такое?

А вот послушай сего юного сеньора! сказал Беляев и указал на Алешу. Алеша покраснел, потом вдруг побледнел, и всё лицо его перекосило от испуга.

Николай Ильич! громко прошептал он. Тссс!

Ольга Ивановна удивленно поглядела на Алешу, на Беляева, потом опять на Алешу.

Спроси-ка! продолжал Беляев. Твоя Пелагея, этакая дура набитая, водит их по кондитерским и устраивает там свидания с папашенькой. Но не в этом дело, дело в том, что папашенька страдалец, а я злодей, я негодяй, разбивший вам обоим жизнь...

Николай Ильич! простонал Алеша. Ведь вы дали честное слово!

Э, отстань! махнул рукой Беляев. Тут поважнее всяких честных слов. Меня лицемерие возмущает, ложь!

Не понимаю! проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестели у нее на глазах. Послушай, Лелька, обратилась она к сыну, ты выдаешься с отцом? Алеша не слышал ее и с ужасом глядел на Беляева.

Не может быть! сказала мать. Пойду допрошу Пелагею.

Ольга Ивановна вышла.

Послушайте, ведь вы честное слово дали! проговорил Алеша, дрожа всем

телом.

Беляев махнул на него рукой и продолжал ходить. Он был погружен в свою обиду и уже по-прежнему не замечал присутствия мальчика. Ему, большому и серьезному человеку, было совсем не до мальчиков. А Алеша уселся в угол и с ужасом рассказывал Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете, кроме сладких груш, пирожков и дорогих часов, существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке.